

Ю. В. Шумилов

Я – ПРИШЕЛЕЦ (эссе-воспоминание)

Ах, годы-годы, время-время, память-память... Только что позвонили из Якутска и напомнили, что Институту мерзлотоведения Сибирского отделения Российской академии наук уже полвека, и все готовятся отпраздновать юбилей знаменитого на весь мир научного учреждения. Возникла идея приурочить к юбилейной дате помимо материалов научного характера издание сборника, в котором сотрудники института – и нынешние, и работавшие в нем раньше, – поместили бы свои рассказы, стихи, размышления о природе и человеческой жизни, не относящиеся напрямую к их научной работе. Ведь не наукой единой жив человек!

Мысль верная – действительно, «не хлебом единым...» Что происходит в душе человека, посвятившего всю свою жизнь исследованию такого, казалось бы, бесчувственного предмета, как льдистые толщи горных пород, способные и существовать-то только при минусовой температуре? Не остывает ли и натура человеческая, не охватывает ли человека равнодушие ко всей суете и изменчивости окружающей среды, когда его мысль десятилетиями оказывается погруженной в замерзший мир, доставшийся нам от геологической вечности?

И вот, словно в компьютере запущенные кнопкой «пуск», сквозь туманные дали памяти в моем сознании стали проступать видения почти тридцатилетней давности, когда я впервые вошел в здание Института мерзлотоведения. Это было единственное во всем мире научное учреждение, занимавшееся разгадкой тайны «ледяного сфинкса», как называл этот природный феномен основатель науки о «вечной» мерзлоте М.И. Сумгин.

И чем глубже погружался я в свои воспоминания о годах жизни, проведенных в творческой атмосфере этого уникального научного учреждения, тем отчетливее выделялись «картинки» и эпизоды тех лет, образы окружавших меня людей, влюбленных в свою холодноватую («мерзлотную» ведь), но такую завораживающую науку и посвятивших этой науке свою жизнь. На душе становилось тепло и чуточку грустно, как всегда бывает, когда мы думаем о невозвратном прошлом.

Перелистывая «файлы» памяти, я думал о том, что взгляд на окружающий мир каждого человека тоже по своему уникален, присущ только ему, как узор на кончиках пальцев или сочетание хромосом в генетическом коде. Мне подумалось также, что мой взгляд на события того времени может отличаться (и тем самым быть интересен) от представлений других свидетелей и участников научного бытия, в которое мы были все погружены тогда, во времена, когда еще жили в великом и уникальном государстве – СССР, в другом временном и системном измерении.

К тому же «фишка», как сейчас говорят, состояла в том, что я очутился в коллективе Института мерзлотоведения как «пришелец» – человек, явившийся, хоть и не с другой планеты, но из другого региона, из другой области знаний, со своим научным и мировоззренческим багажом. В общем, из иной среды обитания. Поэтому и мне новая обстановка виделась иначе, не такой, как ее воспринимали институтские «аборигены», да и моя персона сразу же привлекла настроенное внимание.

Тут надо кое-что пояснить. Как мы знаем, даже в относительно простых биологических системах внедрение чужой клетки или ткани – пришельца – вызывает отторжение инородной материи. А что говорить о такой сложной «субстанции», как научный коллектив. Это такой сгусток живого мыслящего «вещества», по выражению В.И. Вернадского, в котором органично переплетаются отчасти и биологические (все ведь живые люди) качества, а, кроме того, психологические, эмоциональные, нравственные, социальные, интеллектуальные да и просто житейские узы. Добавим к этому творческие амбиции, соперничество идей, взаимные симпатии и антипатии членов научного ансамбля и мы получим удивительный «организм», противоречивый, разнородный и все же спаянный каким-то общим свойством, наверное, любовью к познанию, к предмету своего исследования, к поиску истины.

Именно таким мне показался коллектив Института мерзлотоведения СО АН СССР, когда я впервые переступил его порог 27 лет назад и стал налаживать общение с научными сотрудниками, руководством института, знакомиться с проводимыми в институте исследованиями. Будучи по натуре человеком не конфликтным, а скорее конформистом, я и не предполагал, что процесс врастания «пришельца» в новую среду окажется не лишним интригующим психологическим тонкостью и придаст моему научному бытию различные оттенки не совсем научного характера.

Дело в том, что отец-основатель института Павел Иванович Мельников сумел создать в научном коллективе совершенно нестандартную обстановку прозрачности и открытости всей институтской, а отчасти – и домашне-бытовой жизни всех без исключения сотрудников. Правда, и сам он не замыкался в башне из слоновой кости и, не отгораживаясь от коллектива каким-то барьером, был, что называется, «в курсе» жизни всех обитателей «Мерзлотки» (так в просторечье называли научный городок, располагавшийся в пригороде Якутска). В общем, каждый из жителей «Мерзлотки» все знал обо всех своих соседях, и о каждом все было известно всем. И, как ни странно, эта атмосфера взаимного «всезнания» сотрудников друг о друге, вплоть до всплывавших иногда «лирических» ситуаций в служебных или домашних отношениях, не только не мешала научной работе, не вводила в сторону сплетен и пересудов, а, напротив, как-то скрашивала бытие, смягчала души людей, вызывала взаимные сочувственные и доброжелательные отклики.

Внешне, в лучших манерах джентльменской этики, моя собственная «субстанция» не встретила никакого явного недоброжелательства со стороны новых коллег. Но интуитивно я чувствовал себя инородцем в новом коллективе и в новой обстановке. Для такого моего собственного мироощущения и отношения ко мне был целый ряд вполне объективных причин, многие из которых я начинаю понимать «задним умом» лишь сейчас, как бы заново вороша давно минувшее. Причины были разные – от сугубо психологических, как бы частного порядка, до почти фундаментальных, проистекавших из общей системы организации научных исследований в Советском Союзе.

В психологическом плане все было понятно. Как я уже отметил, моя имплантация в сложившийся научный организм (а тогда возраст института перевалил уже за 20 лет, да до этого люди успели сплотиться еще в бытность существования в статусе научно-исследовательской мерзлотной станции), не могла не возбудить естественную «иммунозащитную» реакцию в научной среде. Любопытна сама процедура моей «пересадки» в новый научный коллектив, как раз и свидетельствовавшая, насколько бдительно «старейшины» института соблюдали «стерильность» сложившейся в институте творческой и психологической атмосферы. Прежде чем принять меня в тесно сплоченные ряды мерзлотоведов, один из самых уважаемых в мерзлотной науке людей – профессор И.А. Некрасов – специально слетал в Магадан, где я до этого работал, и навел все подобающие справки обо мне. Видимо моя научная и прочая ментальность его не отпугнули, что само по себе было несколько странно, поскольку классическим мерзлотоведом на самом деле я не был. И тем самым заранее был обречен на определенную дозу «ксенофобии» в глазах людей, десятилетиями прогрызавших в ледяных массивах Якутии «экологическую нишу» своих знаний о тех или иных характерных примечательностях «ледяного сфинк-

са». Тем не менее, новичок («чичако») получил приглашение на работу в именитый уже в ту пору институт. Но тут надо снова кое-что пояснить.

В наше время космополитического плюрализма, когда смешение людей разных национальностей, вероисповеданий, идеологических взглядов стало почти естественным, понятия «свой» – «чужой», хотя и не изжиты полностью, но сильно сглажены. Индуса, русского, китайца или японца спокойно воспринимает англоязычная среда. Что уж говорить, если афроамериканец Обама, еще недавно безжалостно и безосновательно третировавший своих сограждан, выходцев из Африки, становится президентом страны.

Для обстановки начала 60-х годов XX в. в жизни Советского Союза был характерен определенный подъем экономического развития и расширение научно-исследовательской деятельности (от космической сферы до экстерриториального расширения академической науки). В частности, усилилась научная «колонизация» Сибирского и Северо-Восточного регионов страны. Наряду с уже действовавшим Якутским филиалом СО АН СССР, стало интенсивно формироваться новое ядро академических исследований – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, вокруг которого сейчас сложился Научный центр ДВО РАН.

В общем, к началу 80-х годов на северо-востоке страны сложились три «эпицентра» научной активности, возглавляемые тремя незаурядными личностями – действительными членами АН СССР Н.А. Шило, Н.В. Черским и П.И. Мельниковым. Первый создавал свою научную школу в Магаданском регионе, второй был занят формированием академической науки в Якутии, а судьба Института мерзлотоведения, возглавляемого П.И. Мельниковым, оказалась на пересечении непростых политических и научных амбиций и интересов. Институт оказался «яблоком раздора», вернее «лакомым куском», на который с воодушевлением посматривали Н.А. Шило и Н.В. Черский, на какое-то время посчитав его «бесхозным». Черский считал, что институт – это «пуговица», которая не может болтаться на тонкой ниточке связи с «большой академией», и надо пришить ее к «пиджаку», каковым он считал формируемый им Якутский научный центр СО АН СССР.

Амбиции Н.А. Шило были не менее опасными для судьбы Института мерзлотоведения. Для начала он отобрал и подчинил себе (СВКНИИ) мерзлотную научно-исследовательскую станцию в Анадыре. Судьба науки о мерзлых породах, а точнее в целом о криолитозоне (геолого-географической структуре земной коры) повисла на волоске еще по одной причине. Охваченный страстью к реформированию и перестройке всего и вся (от искусства до экономики и научной сферы, в чем-то нужных и успешных), руководитель государства Н.С. Хрущев считал «нонсенсом» нахождение в Москве Института океанологии (в Подмосковье, дескать, нет океана) и Института мерзлотоведения (тогда он дислоцировался в Москве и носил имя В.А. Обручева), поскольку мерзлота в окрестностях столицы давно растаяла.

И тут надо отдать должное то ли интуиции, то ли научной дальновидности и настойчивости П.И. Мельникова (или всем этим качествам вместе), не упустившему в складывавшейся обстановке единственно реальную и разумную возможность воссоздать «разгоняемый» в Москве институт и на базе Якутской научно-исследовательской мерзлотной станции создать совершенно новое научное учреждение. К счастью, ему это удалось.

Таковы были общий фон и события, предшествовавшие моему появлению в Институте мерзлотоведения. В действительности все было еще сложнее, т.к. в околonaучных борениях активно участвовали Якутский и Магаданский обкомы КПСС, считавшие престижным иметь в своем подчинении научный резерв, не только охотно поддерживающий «линию партии» в регионе, но и способствующий развитию региональной экономики. Разумеется, я не имел ни малейшего отношения к интригам и деловым играм в высших сферах, но о них стоит упомянуть, поскольку они создавали ту «погоду», которая во многом задавала настроение в научных коллективах.

В частности, Н.А. Шило, потерпев неудачу в попытках перетянуть под свое влияние все геокриологическое направление академической науки на Северо-Востоке СССР, стал формировать у себя в Магадане как бы альтернативные подходы к изучению мерз-

Я – ПРИШЕЛЕЦ

лоты. Пропагандировалась идея чрезмерной «узости» и провинциализма геокриологических исследований, проводившихся в Якутске.

Действительно, в начале 80-х годов обстановка в институте была противоречивой, а его структура – неоднородной. Научно-идеологическое и мировоззренческое ядро составляли ветераны института, выросшие до мозга костей в объекты своего изучения и ревниво относившиеся к любым теоретическим посягательствам на их концепции и представления. Что касается Павла Ивановича, то он, несомненно, был широко эрудированным человеком и иногда упрекал своих научных соратников в чрезмерной, как он выражался, «замшелости». К тому же он только что был избран членом академии наук СССР и, как никто другой, видел отдаленные перспективы института как научного учреждения, призванного решать не только узкомерзлотные инженерные и сравнительно частные задачи прикладного мерзлотоведения, но и фундаментальные проблемы «большой геокриологии» – науки геолого-географического и геофизического цикла, изучающей особые состояния нашей планеты в целом в определенные моменты геологической истории...

Я думаю, именно широте взглядов академика Мельникова и профессора Некрасова (которого я бы поставил рядом с Павлом Ивановичем по уровню знаний и масштабу личности как ученого-геокриолога, которому лишь известное русское «пристрастие» помешало занять подобающее место в научной иерархии), я обязан счастливой возможности более десяти лет посвятить изучению «ледяного сфинкса». Пригласить на работу «варяга» из соперничающей системы, да к тому же не мерзлотоведа, а геолога-россыпника, правда, занимавшегося криогенными процессами, – только сейчас я по достоинству и с благодарностью оценил это решение несомненных лидеров геокриологической науки своего времени.

Правда, упомянув о десяти годах в геокриологии, я имел в виду два временных интервала – сначала в Якутске, а потом – в Тюмени, – где В.П. Мельников блестяще продолжает научную стезю отца, создав Институт криосферы Земли именно в том понимании научного осмысления роли холодных фаз в эволюции планеты, какое придавали этому направлению знаний В.А. Обручев, В.И. Вернадский и М.И. Сумгин.

Итак, даже беглое перелистывание страниц «биографии» Института мерзлотоведения в составе Сибирского отделения АН СССР, а ныне Российской академии наук, вызывает у меня, мерзлотоведа «не настоящего», но всей душой проникшегося любовью и привязанностью к этой отрасли знаний, отнюдь не холодные «криогенные» чувства. После немногих естественных шероховатостей вхождения в новый коллектив, у меня сравнительно быстро сложились ровные товарищеские отношения со всеми ведущими специалистами-учеными института. Со многими из них появились совместные научные публикации, проведены научные экспедиции на всех широтах земли якутской – от арктических морей и до Южной Якутии. Сугубо геологическое направление в институте, обозначившееся с моим приходом, обрело права гражданства, были защищены даже докторские диссертации по геохимии криолитозоны, тектонике, рудообразованию.

Прав ли был Павел Иванович, принимая под свое крыло «пришельцев», допуская в свою «вотчину», в которой он был непререкаемым, признанным во всем мире патриархом мерзлотоведения, ученых из других областей науки? Несомненно, прав. Больше того, сейчас, проработав в науке несколько десятилетий, я все больше утверждаюсь в мысли, что «пришельцы» в науке – «субстанция» полезная. Не честолюбия ради, а истины – для, полагаю, что «пришелец» может стать катализатором научного процесса, придать ему новое направление.

И еще об одном традиционно задумываешься в юбилейные дни, будь то научный институт или отдельная личность. Много это или мало – пятьдесят лет? Для человека – многовато, а для института? Что будет с основным объектом изучения мерзлотоведов? Ведь «вечная» мерзлота отнюдь не вечна, так не растают ли с ней и перспективы дальнейших геокриологических исследований, да и остались ли еще какие-то тайны у «сфинкса»?

Я смотрю на будущее института более чем оптимистично. Но его коллективу не помешали бы новые «пришельцы». «Пришельцы» из среды научной молодежи, из смежных

отраслей знания. Разумеется, мерзлоты хватит еще не на одно поколение ученых, но дело даже не в этом. Пришельцем мне хочется считать любого, кто явился в этот мир и поразился его новизне и неопознанности. В сущности, каждый из людей – это пришелец в новый, доселе неведомый ему мир. Наука же – единственная сфера человеческой деятельности, поистине способная к вечному утолению человеческой жажды познания.

Сборник посвящен теме «не наукой единой жив человек». Это правда, но не вся... В действительности, каждый из ученых, отдающийся казалось бы не научному творчеству – сочинению музыки, прозы или стиха, лишь другими средствами выражает свое отношение к миру, познает его новые грани, оставаясь, следовательно, все тем же искателем, романтиком и, очевидно, пришельцем в новые сферы. Пусть же живет в нас это высокое духовное стремление творить, познавать и проникать в новые тайники и закоулки окружающего мира и человеческой души!

